

«Будущее можем иметь только в России – если у нас в ней будет государственность»

Ответы на вопросы журнала «Культура» (Немцы Сибири), Омск

Гуго Густавович, Вы известны российским немцам как один из первых участников движения за их реабилитацию, как писатель и публицист. Однако мало кто знаком с Вашей биографией. Может быть, для начала устраним это «белое пятно»? Расскажите, пожалуйста, откуда Вы родом, о Ваших предках, о Вашем жизненном пути вообще.

В биографиях российских немцев много общего, так что и моя перекликается, наверное, со многими. Мои предки прибыли из Германии на Волгу в 1767 году, по дороге глава семьи умер, остались его вдова и пятеро сыновей. От них вроде и произошли все российские Вормсбехеры. Из поколения в поколение родня становилась всё необозримее, и вообще немцы Поволжья, по-моему, почти все одна семья.

Наш род был довольно известен не только в Екатеринштадте (позже Марксштадт, сегодня Маркс). До революции среди Вормсбехеров были владельцы мельниц, лесоскладов и пристаней, а также каменщики и печники – тогда очень нужная всем и уважаемая профессия. Я как раз из этой ветви: в детстве я еще помогал моему дедушке класть стены какого-то здания в Топчихе, Алтайского края.

В 1919 году, во времена большевистской продразверстки на Волге, один из Вормсбехеров был в руководстве знаменитого восстания в Варенбурге; после кровавого подавления восстания «32 руководителя» были расстреляны, а Вормсбехер повешен на колокольне, где висел целый день «в назидание другим». Позже, в АССР НП, среди Вормсбехеров - ректор Немецкой Высшей сельскохозяйственной школы; министр финансов (я познакомился с ним в 1965 году, он тоже был членом Второй делегации); автор школьных учебников («Книга по литературному чтению», три издания до войны). А мой отец участвовал в выведении новой породы овец в республике, порода попала даже на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, как тогда называлась ВДНХ; после выселения в 1941 г. он стал в Сибири кузнецом, проработал им двадцать лет до самой пенсии.

Близким родственником был первый председатель Союза художников республики Вильгельм Михаэлис; в 1980-х гг. я его разыскал в Алма-Ате, он в какой-то автобазе работал оформителем наглядной агитации – кстати, типичная судьба наших выселенных художников. Лет 15 назад приезжал из Америки в Москву один из Вормсбехеров, его ребенком увезли в США тоже из Марксштадта. Он слышал мое выступление по радио ФРГ в 1989 г., когда делегация от «Возрождения» была приглашена на Всемирный конгресс VDA, где я делал доклад по нашей проблеме. Мы встретились, но – он не знал ни русского, ни немецкого, а я не знаю английского. Роль переводчицы выполнила моя дочь. В Западной Германии, также после тех моих выступлений по радио, меня пригласила семья не российских, а тамошних Вормсбехеров; но они не были мне родственниками. Помню, я им объяснил тогда и происхождение нашей фамилии: наши предки – из Вормсбаха, есть такой небольшой городок в Западной Германии, и как житель Москвы по-русски москвич, так житель Вормсбаха по-немецки Вормсбехер.

Кстати, встречался я и с Вашим земляком, учителем и художником, недавно умершим в Германии, А.К.Вормсбехером. В свое время по просьбе Б.Г.Рейтера я написал небольшое предисловие к его книге о селе Александровка. Знаю, правда, заочно, известного вузовского преподавателя в Кемерово, автора книги по скорочтению, В.Ф.Вормсбехера. Ну а сегодня по интернету можно разыскать десятки известных в разных сферах деятельности российских Вормсбехеров.

Репрессии 30-х гг. коснулись наш род основательно, причем за самые массовые тогда «преступления» - «антисоветскую агитацию» и «антисоветскую деятельность»: ректор Высшей сельхозшколы получил 5 лет; один печник - 7 лет; один шофер - 10 лет; секретарь кантком ВКП(б) – 15 лет; руководитель духового оркестра из Марксштадта - расстрел; еще один печник - расстрел; колхозник – расстрел. Надо полагать, разница в наказании объясняется не тем, что рядовые печники и колхозники считались тогда более опасными антисоветчиками, чем даже руководители райкомов партии и ректоры вузов, а тем, что приговоры выносились на разных стадиях репрессивной параболы.

Мой дядя тоже был печником, но до войны к «антисоветской деятельности» примкнуть не успел, зато в первые месяцы войны, на фронте, после очередного боя имел неосторожность сказать вслух про наступающих гитлеровцев: «Вот ведь прут! И откуда сила такая!», и тут же получил срок «за пораженческие настроения»; из тюрьмы он вернулся лишь после смерти Сталина.

Для информации: все репрессированные, в т.ч. и расстрелянные, позже были реабилитированы...

Материнская линия у меня менее просматриваемая; это объясняется тем, что моя мать, Эмма Дизендорф – из достаточно состоятельной семьи, и в годы Советской власти это приходилось скрывать. Ее отец разводил лошадей; когда умерла его первая жена, он женился на своей служанке, ведшей дом, а когда он умер сам, то для детей был назначен опекунский совет, на них были открыты счета в банке, но революция внесла свои поправки в историю нашей семьи. Бабушку – бывшую наследницу утраченного состояния, я еще помню по Сибири: во время войны мы жили вместе в небольшом селе Ново-Перуново Тальменского района на Алтае. После войны она уехала к младшей дочери, выжившей в трудармии, в Челябинскую область, и последняя фотография от нее показывала ее сидящей прямо на земле в голой осенней бескрайней степи, на голове – старый темный грубый платок, на вытянутых вперед ногах старые мужские ботинки, рядом несколько внуков - и ничего напоминающего об ином прошлом, кроме несогнутой спины...

Мама моя не смогла получить хорошего образования: до революции была еще школьницей, а после революции для нее это было уже невозможно, - зато получила великолепную подготовку к жизни: она, как многие немецкие женщины, умела делать всё. И нас, троих ее детей, когда отца забрали в трудармию, спасли два обстоятельства: болезнь мамы и то, что при выселении взяли с собой швейную машинку «Зингер». Из-за болезни маму не взяли в трудармию, а машинка нас отблагодарила за то, что мы ее не бросили при выселении: на ней мама шила и перелицовывала одежду для окрестных жителей, получала за это немного свеклы, тыквы, картошки или картофельных очисток, которые мой старший одиннадцатилетний брат – мужчина в доме и добытчик - поджаривал нам на плите, и всё это вместе с запретным сбором колосков, ловлей сусликов, тошнотворным супом из крапивы и картофельной ботвы - позволило всем остаться в живых. Мой вклад, тогда трехлетнего, и моей пятилетней сестры в общий труд по выживанию заключался в том, что мы крутили палочкой колесо швейной машинки,

когда мама шила, и аккуратно выдергивали нитки из переделываемой одежды – старые нитки потом тоже шли в дело. Машинку мы не бросили и позже: сегодня она, спасительница, стоит у меня на почетном месте на полке над письменным столом, и я ее люблю как живое существо...

Что же касается непосредственно моего жизненного пути, то родился я еще в Маркштадте, на Волге, причем в этот день по всей республике играли духовые оркестры – были выборы в Верховный Совет АССР немцев Поволжья, и мою бабушку, шедшую из роддома, все поздравляли с рождением «депутата». Но такое чествование моего появления на свет почему-то не было учтено при издании Указа от 28 августа 1941 г.: в три года я вместе со всеми был обвинен в укрывательстве десятков тысяч германских шпионов и диверсантов и выселен под конвоем в Сибирь. Попали мы на Алтай, в маленькую деревушку; когда закончилась война, отец нас перевез в Барнаул, где всю войну был в трудармии, и мы много лет с другими немцами, а также с выселенными бессарабами и русскими людьми из низших сословий, жили в бывших трудармейских бараках, разгороженных на отдельные комнаты для каждой семьи – у нас было 12 кв.м. на 6 человек. Об этом времени у меня, несмотря на все невзгоды, остались очень живые и хорошие воспоминания, потому что из общения наших родителей, из их рассказов о том, как было «дома», из этой тесной совместной жизни в нас, детей, перетекало тогда то неповторимое, что сегодня называется национальной идентичностью, что отличает немцев от «других», что навсегда осталось во мне и без чего жизнь не может быть полноценной.

После средней школы я работал год токарем (кстати, очень интересная работа, полученные знания и умение не раз мнегодились в жизни), затем служба в армии – на сегодня всем известном острове Русском напротив Владивостока, был командиром расчета радиолокационной станции. Вернулся в Барнаул, на радиозавод не взяли «по национальному признаку», пошел работать электриком, поступил учиться на заочное отделение Московского Энергетического института. Когда женился, переехал в Алма-Ату, работал в топографической экспедиции в полупустынях Казахстана, дизелистом-электриком на какой-то лесосеке в каком-то ущелье в горах близ границы с Китаем, потом учителем немецкого языка и физкультуры в школе под Алма-Атой, точнее, над Алма-Атой, потому что в горах, а после участия в делегациях мне пришлось эту работу оставить. Но это уже другой период.

Исход российских немцев в эмиграцию коснулся и нас: только на членах нашей семьи с их семьями страна потеряла 8 человек с высшим образованием, из них 6 учителей, из которых двое – учителя немецкого как родного, и двое – учителя немецкого и английского...

Надеюсь, мы «белое пятно» несколько уменьшили – я еще никогда так подробно не говорил о себе.

Вы были в составе первых двух делегаций советских немцев в 1965 году, добивавшихся восстановления государственности. Когда и как Вы пришли в национальное движение? Делегации – это был шаг отчаяния? Вы лично верили тогда в торжество справедливости?

Если считать началом участия в движении конкретное действие в целях достижения нашей реабилитации, то могу назвать «официальную дату» моего прихода в движение: 13 января 1963 года. В этот день я закончил свое «Письмо Н.С.Хрущеву» (кстати, в этот день родился мой старший сын). Мы тогда были тесно связаны с поэтом И.Варкентинном в

Алма-Ате, с преподавателем О.Гертелем из Фрунзе, и когда в 1964 году нам стало известно о выходе Указа, снявшего с советских немцев обвинения из Указа 1941 года, было решено: ехать в Москву. Такие же настроения проявились на Волге, в Красноярске, в Киргизии, мы списались, и в начале января первая делегация была в Москве. Как известно, в восстановлении республики нам отказали, но сам факт приема у А.Микояна и то, что мы целыми вернулись домой, а также неубедительность аргументации отказа: якобы территория бывшей АССР НП заселена – вызвали летом того же года вторую делегацию: уже не 13 человек, а 43, и не на 12 дней, а на 56. Подробно о работе этих делегаций я рассказал в своем большом материале «Протуберанцы мужества и надежд», написанном к 40-летию поездки; он до сих пор опубликован лишь частично, потому что нигде было опубликовать полностью.

Были ли делегации шагом отчаяния? Наверняка в какой-то степени были: ведь сколько можно терпеть несправедливость и унижение! Но в первую очередь они отражали, на мой взгляд, стремление народа стать, наконец, равноправным, освободиться от незаслуженных обвинений и бесконечной дискриминации, защититься от насильственной ассимиляции, добиться нормального будущего.

Боялись ли мы? Конечно, опасения, и серьезные, были, хотя, судя по поведению членов делегаций и по сегодня известным их воспоминаниям, у каждого они проявлялись по-своему. Однако чувство долга у всех было, надо полагать, сильнее страха, если решились поехать, не зная, что будет дальше. Позже наши опасения полностью оправдались: несмотря на заверения А.Микояна, что никаких преследований не будет, они были, да еще какие. Не знаю никого из членов делегаций, кого бы они не коснулись. Об этом я также написал в своих воспоминаниях...

Верил ли я тогда в торжество справедливости? Наверное, здесь было другое: мы были убеждены, что эта справедливость *должна восторжествовать*. Но все мы понимали, что сама собой она не придет, нужно действовать, и как во всем, кто-то должен был начать. В общем, по принципу: кто если не ты, и когда если не сейчас? – с известной примесью и отчаяния, и отчаянности. А что касается веры - мне вообще непонятно, как можно участвовать в каком-то деле, если не веришь в его успех? Тем более в таком деле, где избранная тобой цель дороже жизни? Поэтому сегодня вызывают чувство какого-то даже физического неприятия «участники движения», которые входят иногда даже в его руководство, но при этом не только сами не верят в правоту общего дела, в возможность достижения цели, но и убеждают в этом других. С какой же целью они тогда находятся в движении? Чтобы его разложить? Или чтобы заработать на нем? Или это у них одно и то же?

До сих пор считаю, что делегации были очень нужны тогда и имели большое значение для нашего движения в дальнейшем. На мой взгляд, вторая делегация была очень близка к достижению цели, однако руководство регионов, где проживали советские немцы, было решительно против восстановления нашей республики, боясь потерять «рабочую силу». Особенно, надо полагать, Казахстан, потому что именно его интересами А.Микоян аргументировал нам отказ: республику на Волге было бы хорошо создать, но тогда 500 тысяч немцев уедут из Целинного края, а без них там сельское хозяйство вести невозможно. Так что, - я об этом уже как-то говорил – советским немцам, получается, надо было хуже работать, давно бы имели и равноправие, и государственность...

Тем не менее, делегации сыграли большую роль: народ впервые открыто и массово заявил о несогласии со своим униженным положением; делегации дважды добились приема практически на высшем уровне государственной власти; они вынудили власть рассмотреть возможность восстановления нашей государственности; они добились

определенного улучшения в политике по отношению к советским немцам; и они наработали очень нужный опыт для будущих делегаций. Материалы делегаций мы тогда размножили брошюрой, изготовили ее подпольно (сегодня можно признаться, что это было делом алма-атинской группы; я как секретарь делегаций был и составителем брошюры, и сам печатал материалы на машинке, осваивая попутно машинопись), и распространили эту брошюру среди немцев по всей стране. Одна из них через годы попала в руки Генриху Гроуту, тогда вроде еще студенту рыбного института в Астрахани, и вдохновила его на весьма авантюрные формы борьбы, о чем он мне позже сам рассказывал...

Первые делегации совпали с приходом к власти Л.Брежнева, т.е. с началом времени, которое позже получило название период застоя. Это время было и периодом застоя в движении российских немцев?

В значительной степени да. Ведь репрессиям подверглись не только члены делегации, но и активисты, помогавшие на местах сбором средств и подписей: у нас было с собой почти 5 тысяч подписей в поддержку восстановления государственности, для того времени невероятное число! Эти репрессии многих просто выбили из активной жизни: одни были исключены из партии, другие сняты с работы, некоторые были вынуждены сменить место жительства, за всеми был установлен жесткий надзор, прослушивались телефоны, просматривалась почта. И естественно, никаких новых делегаций собрать было уже невозможно. Попытки нескольких групп всё же добраться до Москвы кончались ничем: их снимали с поездов, задерживали в аэропортах, или уже в Москве, и под конвоем направляли обратно. После такого разгрома движения за восстановление государственности быстро активизировалось движение за выезд в Германию, и активисты этого движения подвергались не меньшим репрессиям. Об этом тоже можно бы написать книгу.

В таких условиях вопрос о восстановлении государственности мог дальше подниматься лишь в письмах руководству страны. Вообще мы удивительный народ: мы всегда верим, что «верхи», если до них достучаться, наш вопрос всё-таки решат! Знаю, что до самой своей смерти писал руководству страны Рейнгардт Кёльн из Краснодарского края, писал Константин Борнеман из Волгоградской области. Дважды о восстановлении государственности написали Л.Брежневу мы с Вениамином Гинцем, ревизором КРУ Минфина Казахстана, он тоже был участник делегации, после поездки попал в психбольницу, я смог помочь ему выбраться оттуда, обратившись в ЦК КПСС. Наверняка писали и другие. Но коллективные инициативы были пресечены надолго. Неудивительно, что такая политика привела в 1990-е годы к утрате страной не только полумиллиона немцев Целинного края, которые могли бы остаться в стране, если бы и переехали на Волгу, но и к утрате более 2,5 миллионов российских немцев вообще. Руководство государства должно, конечно, учитывать интересы регионов, но в первую очередь оно должно мыслить и принимать решения стратегически, в интересах всей страны.

По-настоящему массовым движение российских немцев стало с подъемом «второй волны» в 1988 г. Как эта «вторая волна» начиналась? Видите ли Вы связь между делегациями 60-х и конца 80-х годов прошлого века? Если исходить из того, что наш вопрос не решен до сих пор, стоило ли второй раз начинать? Был ли и есть ли вообще у нашего народа реальный шанс добиться реабилитации?

Связь между двумя первыми и тремя последними делегациями была несомненной. Даже ряд еще оставшихся к тому времени в живых участников «первой волны» участвовали и во «второй волне». И материалы первых делегаций, и их опыт были использованы.

Согласен и с тем, что «вторая волна» действительно подняла такие массы, о которых в 1960-х мы не могли и мечтать. Любые залы, где теперь собирались российские немцы, были переполнены. Люди изливали свою боль и надежды, загнанные внутрь полувековыми репрессиями, дискриминацией, преследованиями, будто торопились освободиться от непосильного груза. И важно было не допустить, чтобы эта боль, эта энергия масс были переориентированы или ослаблены внутренними конфликтами. Тем более что работа в этом ключе велась в движении всегда.

И на первом этапе нам удалось сохранить и направление, и единство, несмотря ни на что. Среди активистов «второй волны» было немало умных, талантливых, ответственных людей. Сложилась команда, с которой пар не тратился на свистки, а работал на продвижение вперед. Удалось и сформировать у значительной части актива понимание того, что решение нашей проблемы возможно не через конфронтацию с властью, а только в диалоге с ней. Удалось снять естественную настороженность власти по отношению к нашему движению – ведь «Возрождение» было практически первой массовой национальной организацией в стране, тем более организацией репрессированного и не реабилитированного народа, поэтому опасения и особое внимание к нему, в т.ч. спецслужб, были неизбежны. Удалось установить хорошее, деловое сотрудничество с властью, добиться ее готовности помочь решить наш вопрос.

Сегодня можно сказать, что так серьезно, как тогда, власть нашим вопросом больше никогда не занималась. И никогда так не поддерживала нас в наших конструктивных делах и устремлениях. Ведь нам в ЦК КПСС еще в конце 1988 г. прямо сказали: делегаций больше не надо, к середине 1989 года республика должна быть восстановлена.

Мы находили понимание даже в Поволжье, где тоже прорабатывались варианты решения нашего вопроса – естественно, чтобы и самим не прогадать. В частности, планировалось создать Саратовский край, и чтобы республика входила в него: ведь повышение статуса давало как минимум повышение окладов руководства.

Однако власть никогда не бывает однородной, интересы у разных групп во власти были различны и тогда – как на союзном уровне, так и на областном. Помню, на учредительной конференции «Возрождения» мы приняли Обращение к населению Поволжья, в котором предлагали восстанавливать нашу республику вместе, гарантировали максимальное соблюдение прав и интересов местного населения. Обращение закладывало основу для прочных межнациональных отношений в будущей республике и вполне могло снять опасения, возникшие у населения. Но - это Обращение не опубликовано ни в одной из газет Поволжья до сих пор! Значит, кому-то не были нужны ни спокойствие местного населения, ни наше сотрудничество с ним?

И действительно, вскоре в Поволжье началось разжигание антинемецких настроений. Как нельзя более кстати антиавтономисты получили и хороший повод для этого. Так, во время поездки членов Комиссии Верховного Совета СССР по проблемам советских немцев, в которую входил и сопредседатель «Возрождения» Г.Гроут (вообще-то он предпочитал называть себя председателем, а нас с Ю.Гааром сопредседателями), он стал в своих выступлениях перед различными аудиториями угрожать, что когда российские немцы сюда вернутся, они тут наведут порядок, и будут по квадратному метру принимать всю изгаженную за время их отсутствия землю. Эти выступления даже сегодня трудно

объяснить нормальной логикой. Ведь задачей Комиссии было как раз снять возможные опасения у населения. Да и «Возрождение» не собиралось отступать от выработанной на конференции позиции. Остается только гадать, были ли эти выступления проявлением личного стремления Г.Гроута не допустить восстановления республики, чтобы затем раскрутить выездную кампанию, что вполне согласуется с его дальнейшими действиями и заявлениями и с его собственным выездом; или это был заказ, который он не мог не выполнить. В любом случае, его угрозы были использованы антиавтономистами на полную катушку. В движении же такое поведение «председателя» стало одной из причин начала раскола, а затем и развала «Возрождения».

Однако даже после этого нам удалось, невероятным трудом, вновь поднять наш вопрос на уровень рассмотрения руководством страны. Удалось это сделать в основном в ходе подготовки первого съезда немцев СССР, когда нашей проблемой занимались в течение почти двух лет ежедневно, причем на решающих уровнях государственной власти; и эта работа имела плановый характер, и финансировалась в нужном объеме. Оргкомитет по подготовке Съезда превратился тогда практически в маленькое правительство российских немцев, через него решались даже вопросы, выходявшие далеко за пределы подготовки Съезда. Может быть, об этом времени еще удастся кому-нибудь написать – до сих пор из этого этапа освещалось лишь противодействие Оргкомитету и Съезду, которое выдавалось за мужественную борьбу с «происками Кремля».

Нам даже удалось тогда добиться встречи с Президентом СССР М.Горбачевым, где восстановлению нашей государственности было дано добро. Тогда же Правительство приняло постановление о создании Госкомитета по проблемам российских немцев, о чем мы сегодня даже не заикаемся.

Однако ни республики, ни Комитета мы так и не получили. Можно слышать разные мнения о причинах этого. Мое мнение я уже высказывал: здесь были и объективные, от нас не зависящие причины, и причины, связанные с нашим движением. Среди первых - процесс развала страны значительно опережал по скорости процесс решения наших вопросов. Среди вторых - на решающем этапе в наше движение был внесен основательный раскол, что позволило силам противодействия задержать решение нашей проблемы именно в тот короткий миг, когда она могла быть решена. А последовавшие затем заявления наших «лидеров» о массовом выезде фактически освободили власть от необходимости заниматься нашей проблемой вообще: ведь если «все» решили выехать, то для кого восстанавливать республику? И хотя здесь перепутаны причина и следствие, но это сыграло свою роль. И в конечном итоге энергия движения за восстановление государственности трансформировалась в еще более мощную, потому что полную отчаяния и в основном протестную, энергию выезда.

Наша ли это вина? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала определить, кого считать «нашими». Но в любом случае не надо забывать элементарной истины: если государство, или хотя бы какие-то силы во власти, не хотят решить проблему, они всегда найдут или создадут причины, по которым ее «нельзя» решить. Что же касается роли общественного движения в решении нашего вопроса – она, конечно, может быть немалой, но проявляться она может преимущественно в постановке проблемы, в выработке предложений по ее решению, но решить проблему самостоятельно движение не может.

Вообще, когда заходит речь о нашей роли и нашей вине в том, что у нас что-то не получилось, я всегда вспоминаю беседу с Генеральным прокурором Казахстана. После поездки второй делегации он пригласил к себе для «разговора» И.Варкентина, а я из солидарности пошел на эту встречу без приглашения. После четырехчасовой «беседы» он

в конце сказал, что все эти наши делегации, все эти сборы подписей и средств – фактически лишь повод принять меры по отношению к нам. «Неужели вы думаете, что вопрос о восстановлении вашей государственности будет решен в ответ на ваши требования? Если руководство страны сочтет необходимым восстановить республику, оно примет об этом решение, и назавтра во всех газетах будет опубликовано, что немецкое население страны единодушно одобряет это решение и благодарит партию и правительство за проявленную заботу. Так решаются у нас вопросы!», просветил он нас на прощание.

С тех пор прошло 43 года, но меня не покидает ощущение, что и сегодня от нас хотят лишь безгласного смирения и готовности единодушно одобрить любые решения «партии и Правительства». Так что каждый из нас должен сам определиться, одобрять ли ему своим бездействием и безгласностью прежние решения в виде Указа 1941 года, или всё же добиваться чего-то иного.

В связи с этим вспоминаю сценку из моей повести «Наш двор», где двор семьи маленького героя повести – символ нашей государственности, место обитания нашего народа. Когда этот двор, оторванный от волжских берегов, начинает заливать «чужая вода» ассимиляции, а все находящиеся в нем, всё более погружаясь в эту «чужую воду», даже не шелохнутся, маленький герой повести впадает в отчаяние:

«Почему вы молчите? - кричу я, держась из последних сил над колодезем. - Почему вы ничего не делаете? Ведь наш двор тонет!».

Этими словами я хотел докричаться до нашего народа тогда, почти сорок лет назад, когда ситуация действительно казалась безысходной. Но эти слова с полным основанием можно кричать и сейчас...

А насчет того, стоило ли еще раз начинать, если всё равно ничего не добились... Думаю, нам власть никогда не скажет: давайте, начинайте действовать, а мы вам восстановим вашу государственность. Да и как-то ниже человеческого достоинства ждать гарантий, чтобы добиваться реабилитации. Народ наш был несправедливо обвинен, подвергнут необоснованным репрессиям, столько лет он дискриминируется практически во всех сферах государственной и общественной жизни, столько лет не имеет равных прав с другими народами страны, не восстанавливается его государственность, народу грозит полная ассимиляция и исчезновение – всего лишь потому, что он слишком хорошо работает. Разве этого абсурда не достаточно, чтобы каждый начал активнейшим образом действовать? Разве тут еще нужно ждать гарантий?

И о том, есть ли у нас вообще шанс добиться реабилитации... У нас есть жизненная *необходимость* добиться реабилитации, потому что без нее исчезнет наш народ. Этого тоже вполне достаточно, чтобы каждый считал себя обязанным ее добиваться. Только тогда и появится шанс. Нет шансов добиться чего-то только в одном случае – если не добиваться.

Относительно же того, *возможна* ли наша реабилитация сегодня, то мое мнение – возможна как никогда. Потому что сегодня ее можно осуществить совершенно по-новому: совместив с решением крупных экономических проектов страны, или в рамках международного экономического сотрудничества, или как один из национальных (в смысле – государственных) проектов. То есть наша реабилитация сегодня – в экономических интересах страны и региона, где наша государственность может быть восстановлена. Вдобавок она и в интересах внешней, внутренней и национальной политики нашего многонационального государства. И еще, что очень важно и чего не

было раньше - наша реабилитация сегодня объективно не имеет противников. Так что она не только возможна, - она необходима, нам и стране. Донести это на уровень, где принимаются решения, и является сегодня главной задачей.

Вы 25 лет проработали в газетах советских немцев. Как Вы стали журналистом? Можно ли было тогда отстаивать интересы нашего народа? Можно ли сравнивать сегодняшнюю прессу российских немцев с прессой того времени? Какие основные задачи Вы считаете сегодня главными для изданий российских немцев?

Выше я говорил о том, что после службы в армии поступил в Энергетический институт. Но я его не окончил: проучившись два курса, я оставил его, потому что увлекся литературой, и поступил в Московский полиграфический институт на редакторский факультет, на заочное отделение. Еще до этого я стал писать в «Нойес лебен» и пару раз написал что-то для немецкой редакции алма-атинского радио. Когда же был со второй делегацией в Москве, то от нехватки средств (мне, одному из немногих, пришлось быть там все 56 дней, а на такие сроки наши ресурсы не были рассчитаны), я, чтобы заработать какой-то гонорар, написал для «Нойес лебен» рассказ, – мой первый рассказ - который в редакции понравился. И когда в Казахстане стали набирать сотрудников для новой немецкой газеты «Фройндшафт» - ее создание было одним из результатов делегаций, - то из «Нойес лебен» порекомендовали туда среди прочих своих нештатных авторов и меня. К тому времени я как «автономист» фактически лишился работы в школе, поэтому приглашение пришлось очень кстати. Так я стал сотрудником «Фройндшафт», хотя не имел еще для газетной работы нужного образования и опыта. Впрочем, как оказалось, не я один был там такой.

Через пять лет, когда я уже окончил институт и, находясь в Москве, в очередной раз как-то зашел в «Нойес лебен», мне неожиданно предложили перейти работать в редакцию в Москву. Вначале я довольно равнодушно отказался, что вызвало даже некоторое раздраженное недоумение, но позже обстоятельства у меня сложились так, что значимость предложения для меня заметно выросла, и я его всё же принял. И проработал в редакции 20 лет. Но настоящим журналистом не считаю себя до сих пор, потому что тянуло к литературе и к темам, связанным с проблемой российских немцев, тогда практически запретным. Я больше был редакционным работником и редактором, в соответствии с полученным образованием. И особенно беспощадно редактирую себя. Может быть, потому, что темы по-прежнему приходится затрагивать нелегкие...

Здесь, наверное, уместно будет прояснить еще один вопрос. Как-то один из авторов-«возрожденцев» сделал в своей публикации тонкий намек: мол, как это так, Вормсбехер, в то время как других членов делегаций преследовали, был принят в центральную газету «Нойес лебен», получил прописку в Москве... В общем, для автора всё было не только подозрительно, но и ясно.

Однако тут надо просто знать тогдашнюю ситуацию целиком, а не делать желаемые выводы на основании одного факта, выдернутого из контекста. Об этой ситуации я написал и в своих воспоминаниях о делегациях. «Проработке» подверглись тогда все. Но после наших делегаций в ЦК КПСС были приняты еще и решения по улучшению работы среди немецкого населения, в т.ч. о создании немецкой газеты в Казахстане и пополнении редакции «Нойес лебен» национальными кадрами – в газете для советских немцев тогда почти не было сотрудников-немцев. И эти решения партийные органы должны были выполнить. Но журналистов среди российских немцев тогда, как и сейчас, были единицы, а из тех в основном учителей, кто писал в «Нойес лебен» и мог быть рекомендован для работы, наиболее подходящие были «политически дискредитированы» участием в

делегациях. Видимо, нелегкий выбор, стоявший перед исполнителями решения ЦК, был сделан всё же в пользу выполнения решения – ведь нужный надзор за «неблагонадежными» можно обеспечить всегда, тем более в редакции. Так во «Фройндшафт» попали члены делегаций поэт Карл Вельц, писатель Доминик Гольман, несколько других активистов движения, причем не только из Казахстана, и я. А в «Нойес лебен» через несколько лет мытарств был принят И.Варкентин, которого до этого вынудили вообще выехать из Казахстана; в Москве к проблеме «автономистов» подошли видимо более широко. В «Нойес лебен» работали также члены делегаций К.Видмайер и мать сегодня всемирно известного Альфреда Шнитке – Мария Фогель; были приняты к тому времени еще четыре человека. Я оказался последним, кто по выделенному редакции лимиту – через 6 лет после делегаций и почти 5 лет работы во «Фройндшафт» - был приглашен из «национальных кадров».

Впрочем, сегодня у меня всё больше складывается впечатление, что наши немецкие редакции очень напоминали лагерные «шарашки», куда набирали специалистов и давали им возможность работать по их профилю. Все они оставались под надежным надзором, и вместе с тем помогали выполнять «решения партии и правительства», в нашем случае по «удовлетворению национальных запросов немецкого населения». Да и надзор проще и дешевле осуществлять, когда все вместе...

Можно ли было тогда в газетах отстаивать интересы своего народа? Думаю, их можно, и нужно, отстаивать везде и всегда. Вопрос лишь в том, чтобы найти пути и формы для этого, что было тогда, конечно, нелегко. Ведь можно, например, запланировать в квартальном редакционном плане критическую статью против «религиозного дурмана», охватившего после всех репрессий российских немцев; а можно и предложить послать спецкорреспондента по письму читателя, чтобы разобраться, почему передовую доярку-немку не наградили орденом лишь из-за того, что она верующая, подготовить потом от редакции записку в ЦК и добиться оттуда разъяснения на места, что подобные случаи «противоречат линии партии и правительства». (Именно такой факт был в редакционной практике в 70-е годы). Или проинформировать главного редактора о том, как в очередной День Победы на Урале чествовали ветеранов войны и труда, но ни одного доброго слова не сказали о тысячах и тысячах немцев-трудармейцев, которые внесли там немалый вклад в строительство оборонных заводов, в дело Победы вообще, и предложить ввести в «Нойес лебен» постоянную рубрику «Den Sieg mitgeschmiedet», которая со временем вызвала лавину воспоминаний трудармейцев. Так что если действительно хочешь сделать что-то для своего народа, найдешь, как это сделать.

Можно ли сравнивать нашу сегодняшнюю прессу с прессой того времени? Думаю, можно, только, как это ни парадоксально, вряд ли это сравнение будет в пользу нынешней прессы. С одной стороны, тогда была жесточайшая цензура, «всё под контролем», и невозможно было писать ни об истории, ни о трагедии, ни о проблемах российских немцев – можно было лишь показывать их «успехи в совместном труде с другими братскими народами на благо своей великой Советской Родины». Тем не менее, газеты писали именно о российских немцах, их труде, жизни, у них был нужный штат работников, собственные корреспонденты на местах и еще сотни нештатных корреспондентов, которые помогали поддерживать постоянную связь с немецким населением. И были подписчики – у «Нойес лебен» в лучшие времена более 200 тысяч, газету ждали, жаловались, если задерживалась доставка. И была у газет прочная финансовая база, помещения, транспорт – всё, что положено.

Сегодня вроде бы можно писать обо всём – ведь цензуры нет, и газеты «независимые»! Зададим, однако, несколько вопросов: есть ли хоть одна

«общероссийская» немецкая газета с тиражом выше 2000 экземпляров? Сколько сегодня у наших газет подписчиков? Сколько у них постоянных авторов? Сколько писем они получают в месяц, в год от своих читателей? Насколько их выступления действенны, кому и в чем они помогли? О ком из простых людей они написали за все годы своей «независимости»? По всем этим пунктам сегодняшние газеты ни в какое сравнение не идут с прежними.

В чем же дело? Да в том, что ничего независимого в мире нет. И особенно это касается прессы. Если газета частная, - что обычно и является поводом объявить ее независимой, - то перед ее владельцем стоит вопрос: откуда взять деньги на ее издание? Ведь деньги требуются немалые, тем более в отсутствие подписчиков. Значит, надо искать «спонсоров». А кто платит, тот хочет и заказывать музыку. Распорядители бюджетных средств тут не являются исключением, а другой «спонсор» для наших газет сегодня вряд ли найдется. Так что «независимость» газеты и ее издателей сразу же испаряется.

Невозможна независимая газета и если она создается как коммерческое предприятие, потому что тогда ее главная задача – приносить издателям деньги. Но деньги газета может сегодня зарабатывать лишь на рекламе. А рекламу газете будут давать только когда у нее большой тираж и когда ее читатели – потенциальные потребители рекламируемого продукта. И то, и другое для печати российских немцев сегодня исключено. Потому что массового читателя сегодня очерками о том, как ударно трудится и полноценно живет тракторист Иван Жумабетович Шмидт из ООО «Супер-подсолнух интернейшнл», не привлечешь.

Если же у кого-то есть собственные деньги на издание газеты, то встает другой вопрос: а зачем ему эта газета? Для борьбы за будущее своего народа? Но если будущее народа действительно денно и нощно так беспокоит таких людей, то почему мы не видим сегодня у российских немцев *ни одной* газеты, открыто, прямо и мужественно выступающей за интересы нашего народа? Значит, будущее нашего народа не является целью этих «независимых» газет? Тогда какая же цель у них и их издателей? Уводить читателя от его проблем? Затуманивать остроту этих проблем? Или просто самореклама, пускание пыли в глаза? Такие газеты, при наличии возможности действительно быть независимыми и действовать в интересах народа, выглядят особенно беспринципными.

В итоге получается парадоксальная ситуация: в «газетах российских немцев» ничего невозможно опубликовать в защиту интересов российских немцев: в газетах, поддерживаемых из российского бюджета, это невозможно, потому что «противоречит» сегодняшней политике властей; в газетах, поддерживаемых из германского бюджета, это исключено, потому что может быть расценено как вмешательство германской стороны во внутренние дела другого государства; в «газетах общественных организаций» это невозможно по причинам, известным лишь этим «организациям»; а в частных газетах вообще основной жанр - лишь восторги мудростью и ученостью их издателей да бесчисленные их фотографии в каждом номере. Одним словом, «свобода и независимость» наших СМИ сегодня тотальны, потому что цензура личной выгоды, амбиций и страхов издателя, цензура денег гораздо жестче, беспощаднее, чем вся прошлая цензура идеологическая.

О задачах наших газет. До тех пор, пока не будет решен наш вопрос, проблема российских немцев должна бы, на мой взгляд, быть главной темой для нашей печати. История народа, его сегодняшняя жизнь в России, в СНГ вообще, в Германии, его литература, культура, искусство, известные люди из числа российских немцев, жизнь национальных районов и немецких сел, деятельность РНД и культурных центров, борьба общественных организаций за реабилитацию – десятки важных и интересных для

читателя тем предлагает жизнь. Увы, спрос на эти темы у «наших» газет или гораздо ниже даже сформированного ими скудного предложения, или отсутствует вообще. А если газету не волнуют проблемы народа, то кому и зачем она тогда нужна?

При всем понимании немалых трудностей, стоящих перед нашими газетами (не касаюсь газет в национальных районах; у них, надо полагать, и другие условия, и другие возможности): отсутствие должного финансирования, помещений, штатных работников, не говоря уже о гонорарном фонде – всё же непонятно одно: если уж газеты, вопреки всем этим трудностям, всё же выходят, и предназначены для российских немцев, и российские немцы их делают, то почему же эти газеты так шарахаются от главной для российских немцев проблемы – их реабилитации, восстановления их государственности, без чего у народа нет будущего? Ведь если «газета российских немцев» не является рупором, криком, стоном, разумом народа, то чьим же рупором, чьим голосом она тогда является?

И еще одно. Думаю, вполне можно сказать, что определенная идеологическая свобода сегодняшней прессы – это никак не заслуга самой нашей вечно опасливой прессы, а просто попутный результат произошедших в стране перемен. А вот ограничение своей идеологической (в нашем случае – тематической) свободы – это, можно сказать прямо, в основном следствие подлинных, а не показных интересов ее владельцев. И это легко просматривается, потому что газеты имеют неистребимое, некорректируемое свойство: практически адекватно отображать собой образы своих издателей.

Как писатель Вы больше известны старшему и среднему поколениям, и повесть «Наш двор» запомнилась многим. Из Ваших стихотворных произведений мне лично знакомо только «Письмо Н.С.Хрущеву». Как возникли эти произведения? Что из написанного считаете наиболее удачным? Над чем работаете сейчас? Позволяют ли публикации зарабатывать на жизнь? Почему так давно не выходят Ваши книги?

«Письмо Н.С.Хрущеву», написанное в стихах, является, на мой взгляд, не столько поэтическим произведением, сколько политическим протестом. И оно свидетельствует о том, что боль за бесправное положение своего народа была присуща в те годы не одному лишь старшему поколению. И еще показывает мою тогдашнюю политическую наивность: я ведь искренне верил, что оно попадет в руки самого Никиты Сергеевича, и он, восстановивший республики других репрессированных народов, не сможет остаться равнодушным и к судьбе российских немцев. Впрочем, гораздо позже мне стало известно, что он действительно готовился восстановить и АССР НП, но его якобы отговорил А.Микоян – об этом я упомянул в своих воспоминаниях о первых делегациях.

Небольшая повесть «Наш двор» потребовала от меня столько сил, что не раз приходилось делать перерывы в работе над ней, просто из чувства самосохранения. Я и сейчас не могу за один раз дочитать ее до конца. И судьба ее тоже драматична. Когда я показал ее главному редактору «Нойес лебен» Г.Пшеницину, тот сказал: «Да, неплохо... Но придется лет двадцать подождать с публикацией...». Ее читал и куратор газеты «Нойес лебен» в ЦК КПСС, тоже очень положительно отзывался о ней, но по установленным правилам поручил побеседовать со мной главному редактору одного из журналов и объяснить, почему повесть не может быть опубликована. И свет она увидела через много лет тоже в мучениях: к публикации она готовилась под чужой фамилией, потому что под моей была бы сразу отклонена, и только уже на последнем этапе в типографии было поставлено имя ее настоящего автора.

Однако на этом крестный путь повести не закончился. После ее выхода в свет ее хотели экранизировать на «Мосфильме», была создана уже и съемочная группа, ждали

только подтверждения согласия от одной из киностудий Западной Германии – фильм готовился совместный. Но ответ пришел неожиданный и совсем не о творческих вопросах: якобы отношения между СССР и Западной Германией установились настолько хорошие, что германская студия считает нежелательным омрачать их таким фильмом. Удивительная политическая сознательность западной киностудии, ориентированной на прибыль...

Потом наш Немецкий Драматический Театр хотел поставить спектакль по повести, тоже шла основательная работа, и тоже почему-то не получилось.

Лет пять назад режиссер одного из известных московских театров готовился поставить спектакль по повести, уже актеры подбирались, - но вдруг всё свернулось, и никаких объяснений.

Три года назад один продюсер вдохновился экранизировать повесть, но – не нашел трех миллионов долларов для этого.

Единственной отрадой была, конечно, небывалая поддержка читателей – ведь повесть впервые затронула тему, почти полвека запретную. Приятно было также узнать, что «Наш двор» сразу после выхода был издан на эстонском языке – видимо, были найдены параллели в судьбах двух народов.

Так что мы с повестью уже ко многому привыкли, кое-что повидали в своей жизни, и уже ничему не удивляемся. Не удивимся даже, если кто-нибудь где-нибудь найдет вдруг около мусорного контейнера сумку с тремя миллионами долларов и захочет их потратить на экранизацию повести...

После «Нашего двора» я несколько лет вообще не мог больше писать художественных произведений – писать на том же уровне самосожжения, я понимал, просто опасно физически, а писать иначе о судьбе российских немцев – недостойно. Когда же стало возможно открыто говорить о наших проблемах, то их драматизм, острота и актуальность требовали часто не меньшей самоотдачи, и не давали времени отвлечься от них. Так уже двадцать лет я занят, условно говоря, только национальной публицистикой.

Есть ли у меня любимые, или «наиболее удачные», произведения? Вообще-то я стараюсь всё писать на предельном для меня уровне, если позволяет время. И исходить всегда из интересов нашего народа, даже если от этого страдают отношения с чиновниками или коллегами по движению. Поэтому писать всегда нелегко. И часто, закончив материал, чувствуешь себя как после болезни. Отсюда и отношение к написанному у меня не на уровне «люблю – не люблю», а на уровне пережитых «мук творчества». В этом смысле для меня самым дорогим оплаченным мною произведением до сих пор является повесть «Наш двор». Могу признаться: мне бы не хотелось еще раз оказаться в роли пишущего подобное произведение - почему-то думаю, оно будет у меня тогда последним...

Над чем работаю сейчас? Проблематика всё та же – российских немцев. И здесь жизнь по-прежнему постоянно требует отклика. Так, когда нам предложили концепцию очередной «целевой программы», откровенно направленной против реабилитации, я выступил с ее анализом под названием «...расчистить эти Авгиевы конюшни может только Президент России». Или после очередного «форума центров встреч», собранного МСНК для демонстрации единодушной поддержки антиреабилитационной политики чиновников, написал тоже аналитический материал «Дробление России по национальным признакам, или как за бюджетные деньги покупают «одобрямс» своей провальной политике».

Сейчас работаю над циклом статей под общим названием *«По минному полю реабилитации»*, где пытаюсь показать всю беспардонность демагогии, которую обрушивают на российских немцев с целью убедить их в том, что они уже давно и равноправны, и реабилитированы, и что государственность им не нужна, что даже сама *«идея государственности сегодня – вредная идея!»*. Естественно, цитируя такие перлы, приходится называть их авторов, что опять же не делает отношения с ними лучше; более того - даже исключает порой публикацию таких статей в нашей «независимой» прессе. Но глупость от запрета ее критиковать не становится мудростью...

Несколько неожиданным было, когда ко мне обратились литературоведы из Казахстана и из Канады, готовящие диссертации по литературе российских немцев. Оказывается, не только история нашей литературы, но и мои очерки и выступления о ней представляют и сегодня для кого-то еще интерес. И т.к. к нашей литературе я тоже никогда не мог быть равнодушным, то стараюсь помочь диссертантам, чем могу – мы находимся в постоянной переписке. Ну и т.д....

О том, позволяют ли публикации зарабатывать на жизнь... *«Daß ich nicht lache!»* - говорят в подобных случаях в Германии. Потому что последний мой гонорар за публикацию я получил, если не ошибаюсь, еще в советское время. То есть как автор я нахожусь в еще более странном положении, чем весь наш народ, который с 1941 года работает на страну и платит налоги как все другие народы, однако, в отличие от других народов, ничего не получает на поддержку своей национальной культуры, образования, прессы, издание книг. Тем не менее, «рабочая сила» получает хотя бы за свой труд. Мой же литературный труд, видимо, сверхчистое искусство: он давно уже не оскверняется оплатой. В этом есть один несомненно положительный момент: я могу позволить себе исполнять лишь ту «музыку», которая отвечает интересам нашего народа...

И, наконец, о том, почему у меня не выходят книги. Действительно, парадокс: в советское время, когда я писал на фактически запретные темы, публикации всё же были возможны. Последние же 16 лет, когда у меня столько написано на самые актуальные и вроде бы уже совсем не запретные темы: о реабилитации российских немцев, о восстановлении государственности, о национальном движении, о литературе, - не вышло ни одной. Если не считать небольшую книжечку *«Убить народ»*, изданную в Новосибирске по инициативе бывшего директора РНД А.Винтера: он откликнулся на пожелания активистов движения, чтобы мой аналитический очерк *«Куда идем?»*, опубликованный 8 лет назад в *«Нойес лебен»* с продолжениями, был издан отдельной книжкой.

Причины вижу три. Главная, наверное, во мне самом. На многих я произвожу впечатление человека довольно упорного, последовательного и активного. Ведь уже 45 лет добиваюсь реабилитации нашего народа. Сделал кое-что и для других: помог даже ряду непрофессиональных литераторов издать их произведения, содержание которых было, на мой взгляд, важным для нас. Однако издание собственных произведений всегда отодвигались на потом. Дело в том, что когда речь заходит о лично моих интересах, вышеназванные мои предположительные качества вдруг все куда-то исчезают. Думаю, это свойственно многим российским немцам генетически, привито в определенной степени и религией, и вдобавок было усилено советским коллективистским воспитанием: добиваться чего-то для себя - нехорошо.

Вторая причина – самая банальная: у нас нет денег. Хотя сегодня кто угодно может издать что угодно и какими угодно тиражами, - но только если может заплатить. Кто не может, не издаст даже новую *«Войну и мир»*. У нашего народа нет собственной экономической базы, нет своего бюджета, из которого можно бы профинансировать

издание книг, а обращаться к кому-либо за поддержкой... – всю жизнь я старался делать всё собственными силами и не просить о помощи. Да и кто сегодня готов дать свои кровные деньги на такие дела? Раньше можно было собирать нужные средства, объявив подписку на предстоящее издание, сегодня и это маловероятно.

И третья причина – практически закрыт путь издания написанного мною за счет средств, выделяемых российской стороной на всякие программы и проекты по российским немцам. Закрыт потому, что всё, что мною написано, направлено исключительно на реабилитацию российских немцев, на восстановление их равноправия, на обеспечение их будущего как народа, на восстановление их государственности. А политика власти по отношению к российским немцам направлена сегодня как раз против этого. Ее цель - или, скажем мягче, ожидаемый ею результат – завершить, наконец, процесс ассимиляции, начатый Указом 1941 года и обеспечиваемый уже 67 лет откровенно потребительским отношением к нашему народу как к почти безгласной рабочей силе, от которой все эти годы так удобно было получать и получать, ничего ей не давая.

Вот почему так давно не выходят мои книги.

Впрочем, я всё больше прихожу к мысли, что судьба написанного мною не должна сегодня зависеть только от моих «пробивных способностей». Как и вообще судьба литературного наследия наших писателей не должна зависеть только от их потомков. Ведь литература и искусство любого народа в историческом смысле являются его коллективной собственностью, потому что по сути они - результат его коллективного творчества через конкретные личности. Тем более общей собственностью может считаться то, что родилось в гуще, в борьбе, в преодолении препятствий всем нашим национальным движением, нашим народом; то, что мною лишь было выражено и отражено на бумаге. У меня всегда было ощущение, будто наша национальная жизнь, наша судьба диктуют нам, что, как и когда мы должны написать и сказать. Думаю, не случайно и то, что у меня практически ничего не написано *не* по проблемам российских немцев – «другая» жизнь мне так безоговорочно ничего не диктовала. Остается надеяться, что написанное мною когда-нибудь еще будет, возможно, признано полезным для тех, кто продолжит борьбу за реабилитацию народа, - хотя бы чтобы сэкономить силы и время, используя наработанный опыт...

Давайте еще раз вернемся к движению российских немцев. Как Вы оцениваете его сегодня? Чем объяснить перманентную борьбу, происходящую в нем? Ведь эта борьба лишает последних надежд на достижение нашей цели. Разве не понятно, что единство делает сильнее? Федералы-общественники умудрились даже противопоставить друг другу глубокоуважаемых ветеранов движения – людей без сомнения благороднейших. Почему даже создание Ассоциации немцев Сибири, главная цель которой – объединить и активизировать потенциал немцев-сибиряков, так нервирует некоторых руководителей федеральных организаций? А ведь мы надеялись, что они будут только рады нашей инициативе. И - не кажется ли Вам, что для ряда наших «вождей» разного уровня «культурная реабилитация народа» - лишь способ получения финансовой поддержки?

Вряд ли стоит особо драматизировать ситуацию именно в сегодняшнем движении российских немцев: она, за исключением короткого начального периода, бывала и хуже. Сегодня хотя бы нет противостояния между федеральными нашими организациями – ФНКА и Ассоциацией «Гемайншафт», это уже большое достижение. Причины же раздоров разные, как не зависящие от нас, так и зависящие. К первым относятся:

отсутствие сегодня у власти намерения осуществить реабилитацию российских немцев в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов» и российско-германским Протоколом о поэтапном восстановлении государственности российских немцев;

использование властью средств, выделяемых на программы по российским немцам, для манипулирования структурами российских немцев и нейтрализации их движения;

невозможность самоорганизации народа в условиях 67-летнего распыленного проживания;

отсутствие в движении профессиональных политиков, которых у российских немцев не могло появиться, потому что как народ они были и остаются выключенными из политической жизни страны.

К причинам, зависящим от нас самих, можно отнести:

отсутствие компетентного освобожденного лидера, для которого идея реабилитации народа была бы не только главной в его деятельности, но и безальтернативной в его жизни; лидера, принципиального в отстаивании избранной цели; лидера, авторитетного для участников движения и для властей, с которыми приходится вести переговоры; лидера, способного вести других к намеченной цели, а не подстраиваться к окружению, поднявшемуся в процессе естественного отбора нередко благодаря умению пробиваться к кормушке. Такого лидера у нас не было и раньше, но сегодня, когда главной задачей движения является уже не просто выражение протеста и требований, потребность в таком лидере особенно велика;

отсутствие компетентной команды, способной, как это было раньше в движении, компенсировать отсутствие нужного лидера коллективным опытом и разумом; подмена такой команды в значительной мере теми, кому проблема российских немцев нужна лишь для обеспечения личного благополучия;

готовность некоторых активистов и лидеров разного уровня ради получения средств и благоволения распределителей этих средств к открытому отступничеству от главной цели движения;

существенное перерождение ряда структур движения в структуры по удовлетворению личных и групповых интересов, что неизбежно делает их еще и манипулируемыми;

отсутствие необходимой экономической базы у движения российских немцев для самофинансирования своей деятельности, для сохранения своей независимости, для привлечения компетентных и деятельных людей к разработке и выполнению задач, для содержания штата, позволяющего снизить немалую нагрузку на тех руководителей движения, кто еще старается работать на интересы своего народа;

отсутствие необходимого любой организации, компании, структуре «мозгового центра», главная функция которого – отслеживать происходящее в стране, в мире, в политике, в движении, анализировать постоянно меняющуюся ситуацию и выработать программы действий для движения.

Конечно, мы хорошо знаем, что решение нашей проблемы зависит в первую очередь не от движения российских немцев. Но хорошо известно и то, что без борьбы российских немцев за свое будущее у них этого будущего не будет никогда: никто не может стать российскими немцами больше, чем сами российские немцы. И нельзя обвинять движение в том, что вопрос наш до сих пор не решен. Однако от его руководителей вполне можно

ожидать, чтобы возможности, которые всё же имеются у движения, использовались рационально, эффективно, по-деловому. Решить наш вопрос сегодня можно, а значит, этого нужно уметь добиться.

Не думаю также, что следует переоценивать значение разногласий в движении российских немцев: разногласия, борьба есть и, в общем-то, должны быть в любом живом деле, есть они и в национальном движении других народов. Сегодня беспокоят не столько разногласия в нашем движении, тем более если считать национальным движением лишь тех, чья цель - полная реабилитация народа: тут разногласий как раз почти нет. Сегодня создана другая опасность - в виде тех, кто ради проектов готов выступать и против национального движения, и даже против реабилитации своего народа. И «перманентная борьба» происходит у движения именно с ними, потому что такие исполнители проектов с их безнациональными и даже антинациональными интересами всё откровеннее втаскиваются в сферу политики - для противодействия движению и реабилитации народа.

Но это нельзя считать внутренней борьбой в движении. Потому что борьба идет не между сторонниками реабилитации народа, а между ними и теми, кто используется для противодействия реабилитации. По сути же это вмешательство со стороны власти во внутренние дела общественного движения: если бы власть не хотела этой борьбы, не поддерживала ее, если бы эта борьба власти была не нужна, - ее давно бы не было. Но - так было, так есть и так будет, пока не решен наш вопрос. И не надо впадать в отчаяние только оттого, что два десятка «практиков» привычно стремятся удовлетворять свои личные интересы за счет интересов народа. Вообще жаловаться на трудности, тем более оправдывать ими свое бездействие, как-то не в правилах российских немцев. В их правилах преодолевать трудности, причем в любой ситуации. Думаю, нам тут больше подходит требование бывшего командующего воздушно-десантными войсками В.Маргелова к своим подопечным: "Сбили с ног - сражайся на коленях! Встать не можешь - лёжа наступай!"

Не должна эта борьба и лишать нас надежд на достижение цели. Наоборот, она должна заставить нас действовать активнее, сплоченнее, умнее. Потому что лучший подарок для сил зла - это разрозненность и бездействие сил добра.

Не следует и сокрушаться по поводу отсутствия абстрактно понимаемого единства, а для начала хотя бы определить: единства с кем? С теми, кто против реабилитации? Вряд ли единство с ними продвинет нас к цели, скорее не позволит достичь ее никогда. Об этой главной нашей цели мы и должны всегда помнить. Народы забывают иногда свои национальные задачи, говорил Столыпин, но такие народы гибнут и превращаются в назем, удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы. Готовы ли российские немцы так уж все поголовно превратиться в назем ради проектных подачек десятку-другому «практиков»?

Совершенно неправильно также считать всех участников борьбы одинаково виноватыми только потому, что они «участвуют в раздорах». Это всё равно, что считать равными преступниками и грабителя, и того, кто защищает от него своё имущество и жизнь; считать одинаково «виноватыми» хищников и их жертвы, тысячелетиями «участвующих в раздорах». И если научиться отличать одно от другого, тогда вполне можно придти к выводу, что кого-то из участников этой «перманентной борьбы» у российских немцев не только не следует обвинять, а надо иногда и поблагодарить – за защиту интересов народа от вечно ненасытной своры.

Не стоит из-за этой борьбы и ополчаться против руководства федеральных структур. Борьба ведь происходит на всех уровнях, просто наверху она всегда заметнее и острее, потому что наверху ставки выше и силы задействованы большие. И именно высший уровень национального движения является вожделенной целью для его противников: захватив эту высоту, они смогут уже «от имени всего движения», «от имени народа» и выступать, и участвовать в принятии

политических решений, и манипулировать региональными и местными структурами движения. Так что руководство движения – это всегда передовая, где защита интересов движения не может прекращаться ни на минуту, что предъявляет и серьезные требования к способностям, знаниям и составу этого руководства.

Осторожнее надо подходить и к понятию «ветераны». Во всяком случае, считать людей ветеранами движения только потому, что они пожилые и привлекаются структурами российских немцев в тех или иных целях, неправомерно. Ведь общеизвестно: и в благополучные, а тем более в трудные времена всегда немало тех, кому их личные интересы дороже общих. Так было даже в трудармии, где одни умирали от истощения и непосильного труда, а другие, пробившись к должности хотя бы бригадира, срывали с нар и топтали ногами в ярости тех, кто не мог утром подняться по команде «подъем», потому что были уже мертвы. И оттого, что думавшие всю жизнь только о своих интересах сегодня постарели, они не стали ветеранами борьбы за общие интересы. Наоборот: именно такие люди обычно и сегодня готовы к использованию их против общих интересов.

Для меня лично слово «ветеран» связано с другого типа людьми – такими, как участники первых делегаций Р.Кёльн, К.Борнеман, Ф.Шесслер, которые, несмотря на жесточайшие преследования, до последнего своего часа боролись за реабилитацию народа. Сегодня примером для многих может служить Герман Давыдович Арнгольд – имея за плечами немало лет, он всегда приезжает на съезды, форумы, заседания Советов, активно участвует в их работе, и его позиция неколебима: без территориальной реабилитации будущего у народа нет! Таким людям бесполезно предлагать подачки, чтобы они отказались от своей цели. И нельзя в один ряд с ними ставить тех, кого противники реабилитации вытаскивают сегодня на различные мероприятия, возят даже за рубеж, чтобы, используя естественное уважение к возрасту, убеждать с их помощью всех в том, что реабилитация и государственность российским немцам не нужны, что требовать их означает не учитывать сегодняшние «реалии», и т.п.. Невозможно считать ветеранами движения и тех, кто, входя даже в руководящие органы движения, заявляет, что ему лично республика не нужна, что восстановление государственности может вызвать только неприязнь к российским немцам, и кто сводит проблему реабилитации народа к оказанию социальной помощи. Это не ветераны движения, это скорее ветераны противодействия движению, что и подтверждает обычно их жизненный путь. Поэтому не стоит «глубоко уважать» лишь за то, что кто-то состарился в заботах о себе и до сих пор готов за подачки выступать против интересов собственного народа...

Вполне согласен с тем, что для некоторых «вождей» проблематика российских немцев лишь кормушка. Я писал уже не раз: если бы завтра прекратилось финансирование по нашей проблеме, послезавтра мгновенно исчезли бы все эти «водители» вместе с их подголосками и псевдоветеранами. И тогда вопрос о единстве не возникал бы у нас вообще, потому что в движении остались бы лишь те, кто пришел в него не наживаться, а помогать добиться равноправия и будущего своему народу.

Относительно же того, что создание Ассоциации немцев Сибири вызвало у части федерального руководства движения настороженность – не стоит обижаться. У движения ведь есть и немалый отрицательный опыт, когда новые объединения создавались именно для перетягивания одеяла на себя, или даже в пику федеральным структурам движения. Так что опытные политики не только могут, но и должны воспринимать всё критически, чтобы не допустить нового раскола. Конкретные дела Ассоциации покажут, есть ли основания для беспокойства – судят ведь в конечном итоге не по намерениям и декларациям. Саму же инициативу по объединению и активизации имеющегося у нас потенциала можно только приветствовать. Особенно если учесть, что в нашем

национальном движении сегодня почти не осталось паровозов и слишком много вагонов, готовых везти кого угодно, что угодно и куда угодно, лишь бы им оплачивали перевозки, но при этом чтобы паровозы еще и выполняли их требования: тянули туда, куда вагонам нужно. Да и централизация управления далеко не во всем полезна.

Вообще же надо отметить, что сегодняшнее движение имеет ряд важных отличий от движения прошлых лет.

Так, в начале «второй волны» (конец 1980-х) движение было одной единственной организацией, и не было структур и организаций сопутствующих, параллельно действующих, паразитирующих на движении и на проблеме, и тем более противодействующих движению. Теперь уже много лет наряду с самим движением, сохранившим свою прежнюю цель, активно действуют организации и структуры с совсем иной целью - заработать на участии в программах и проектах, которых добилось движение. И эти структуры, как правило, не только не содействуют решению проблемы и не поддерживают движение, но и активно противодействуют им – ради получения проектов. При этом они отгеснили от выполнения проектов само движение, лишив его экономической базы.

Раньше у движения была также единая для всех цель – восстановление государственности. Могли быть разные представления о том, как, и даже где, восстанавливать государственность. Но сомнений в правильности общей цели, попыток подменить эту цель, а тем более выступлений против нее – не было. Сегодня структуры, паразитирующие на проблеме, раздвоили цель движения, противопоставив главной цели одну из ее составляющих – проектную работу в основном в сфере культуры, которой и кормятся, под маскирующим названием «сохранение национальной идентичности». Как будто можно сохранить национальную идентичность народа, если исчезнет сам народ! Вдобавок они стремятся снять главную цель вообще, не понимая, что тем самым рубят сук, на котором сидят. Сегодня главная цель нередко размыта и для участников самого движения - длительное отсутствие политического решения нашего вопроса не могло не вызвать у них разочарования, утраты веры в достижимость этой цели вообще, что и пытаются усилить противники движения.

Раньше наше движение поддерживалось властью, и его цель признавалась властью верной и безальтернативной. Сегодня у тех, кому поручено играть роль власти в проблеме российских немцев, нет цели реабилитации и восстановления государственности российских немцев, наоборот: у них задача этой цели противодействовать, а значит, противодействовать движению, имеющему эту цель.

Еще одно существенное различие: раньше у противников восстановления государственности из власти не было сторонников среди российских немцев и их структур; сегодня таковые вскормлены и успешно используются и против движения, и против решения проблемы.

То есть еще раз: борьба сегодня идет не между сторонниками реабилитации, а между ними и противниками реабилитации. При этом противники реабилитации хотя и не забывают громко заявлять, что они за реабилитацию, но не говорят, что они за реабилитацию лишь потому, что если будет снят вопрос о ней, то они уже никому не будут нужны, а значит, лишатся кормушки, которую им все эти годы обеспечивают вообще-то не распределители средств, а сторонники реабилитации, вынуждающие власть своей настойчивостью в достижении главной цели еще наполнять кормушку для поддержания сил противодействия. Так что в интересах противников реабилитации бороться против реабилитации со сдержанным рвением, чтобы не перестараться себе во вред.

Различия появились и в тактических задачах. Так, в начале «второй волны» главной задачей движения было как можно убедительнее заявить проблему российских немцев и привлечь к ней внимание властей. И тогдашний актив справился с этой задачей вполне. Правда, когда эта первая задача была выполнена, и возникла следующая: установить конструктивный диалог с властью уже для решения проблемы, - актив распался. Распался на тех, кто остался на уровне прежней задачи, продолжая выдвигать бесконечные лозунги и призывы; на тех, кто сориентировался на выезд, - в этих двух сомкнувшихся группах оказалось большинство; и на тех, кто взял на себя решение новой задачи. Сегодня перед движением стоит целый пакет новых задач. Ему, наряду с продолжением борьбы за достижение главной цели - восстановление государственности, приходится бороться с противодействием властей; защищать свою цель, свою идеологию; защищать свое единство от умело управляемых и материально поддерживаемых паразитирующих на движении структур; и вдобавок заботиться о собственной материальной базе для ведения хотя бы минимума необходимой организационной работы.

Есть и положительные перемены в движении. Невозможно не отметить, что очень изменился качественный потенциал актива движения. Раньше у активистов практически отсутствовал опыт участия в движении, опыт работы с властью, опыт участия в обсуждении проблемы на международном уровне. Сегодняшние активисты, особенно оставшиеся еще от «второй волны», имеют во всем этом уже огромный опыт. У них был и есть постоянный контакт с представителями министерств и ведомств России и Германии; они участвуют в заседаниях российско-германской Межправкомиссии по проблемам российских немцев; они тесно и долго сотрудничали с департаментом по нашим проблемам в бывшем Миннаце; у них наработан огромный опыт решения разносторонних практических задач: от создания центров культуры, Российско-Немецких Домов, широкой работы в сфере национальной культуры до строительства национальных районов – фактически мини-государств. У этого актива есть и немалый опыт борьбы за единство движения, за преодоление раскола. Весь этот огромный опыт сегодня неоценим, если его должным образом задействовать. Неоценим он будет и при решении главной задачи – восстановлении нашей государственности.

Но наличие такого опыта у актива создает сегодня и немалые трудности для любых руководителей движения федерального уровня. Потому что соответствовать ожиданиям *таких* соратников, быть для них авторитетом, вести за собой людей, из которых почти каждый сам может быть лидером федерального уровня, - намного труднее.

Зато этот опыт незаменим для командной работы, без которой сегодня вперед не продвинуться. Сегодня сильная, сплоченная команда – главное, что может обеспечить успех; без нее всё суета сует. Но опять же – такой команде надо иметь что предложить, таких людей удержать в движении можно лишь в том случае, если программа движения вберет в себя все надежды, интересы и задачи стоящих за ними структур, и если оно будет уверенно двигаться вперед – на топтание на месте у таких людей попросту нет времени. Не может таких людей удовлетворить и подмена настоящей политической и практической работы аппаратной и оргработой – это способно вызвать лишь неудовлетворенность, причем именно федеральным руководством. Не может их удовлетворить и игра в коллегиальность в виде подмены четкого демократического управления бесконечным согласованием проектов решений по всем, даже третьестепенным, вопросам, т.е. фактически делегированием ответственности – это еще опаснее, чем делегирование прав.

Так что возросшая сложность, разноплановость задач, организованное противодействие движению, наработанный большой опыт как участниками движения, так и его противниками, - выдвигают сегодня и гораздо более высокие требования к

руководителям. Причем не только на федеральном, но и на региональном, местном уровне. В этих условиях очень необходима постоянная работа с активом, своевременная помощь ему, формирование у него ясного представления о происходящем, чтобы он мог грамотно и умело действовать в постоянно изменяющихся обстоятельствах. Важным инструментом здесь могли бы стать газеты, однако при их скромных возможностях, при их опаске открыто говорить о проблемах народа, при излишней заботе издателей о собственном имидже, при прямо-таки вредительской публикации материалов только на немецком языке, почти недоступном для последних поколений российских немцев, - они вместо формирования нужной позиции у актива часто способствуют лишь усилению оппозиции движению.

Одно из немногих реальных достижений российских немцев – это создание двух национальных районов. Для нас, сибирских немцев, они сегодня являются базой этнокультурного развития, территориями надежд. Каково Ваше мнение об этих районах, их роли и значении?

Мне уже приходилось высказываться о наших районах. Несомненно, они - большое достижение. Не только потому, что их создание позволило определенному числу российских немцев жить вместе, иметь фактически самоуправление, самим заботиться о своей национальной культуре. Районы имеют важное значение еще и потому, что они показали: создание национально-территориальных образований российских немцев может осуществляться не только бесконфликтно, но и вызывать поддержку ненемецкого населения. Районы своими показателями в экономике, благоустройстве, культуре, а Азовский район, насколько я знаю, еще и в спорте, во многом увеличивают достижения субъектов федерации, в которые они входят. И еще одно важное обстоятельство: в районах, где немецкого населения сегодня лишь около трети, нет межнациональных конфликтов. То есть районы показали за эти годы полную несостоятельность тех опасений и той антинемецкой демагогии, которые были раздуты в 1989-1992 г.г. в Поволжье

Могу только порадоваться, что в свое время как председатель Международного союза российских немцев поддержал создание Азовского немецкого района и усилия его главы, Бруно Генриховича Рейтера, взявшего тогда на себя эту нелегкую ношу.

Однако, отмечая большое значение районов, нам никак нельзя считать, что их созданием все наши задачи решены. Ведь около 97% российских немцев проживает за пределами районов, т.е. по-прежнему распыленно, и если эти немцы и дальше будут ассимилироваться, то 15-20 тысяч немцев, проживающих в районах, не смогут уберечь народ от исчезновения. Не смогут предотвратить и собственную ассимиляцию, пусть и отодвинут ее на некоторое время.

Поэтому проблема реабилитации российских немцев как народа остается для нас по-прежнему нерешенной. Национальные районы лишний раз показали и то, что эта реабилитация необходима всем российским немцам, и то, что осуществить ее совсем не так сложно, как когда-то нам пытались внушить. Фактически нам нужен «большой национальный район» - если не для всех, то для большинства, или хотя бы для половины российских немцев. Нужен, чтобы у них была возможность сохраниться именно как российские немцы, т.е. со знанием фактически уже двух родных языков - немецкого и русского, с наполненностью фактически уже двумя родными культурами - немецкой и русской; и – с сознанием своего равноправия со всеми другими гражданами страны.

Два наших района не только не решают своим существованием проблему российских немцев; они, без решения проблемы остальных наших немцев, не являются даже самодостаточными, чтобы обеспечить национальное будущее и собственного немецкого населения. Это не их вина, за это их никак нельзя упрекать – это объективная реальность. Нам как народу нужно большее. Поэтому я и сравнил как-то наши районы с национальными лужами, которые, не имея подпитки из грунтовых вод, из национальных рек или ручьев, неизбежно высохнут под ветрами и солнцем, какое бы бездонное голубое небо они ни отражали. Нам нужно как минимум национальное озеро, чтобы иметь условия для будущего всего народа.

Насколько знаю, такое сравнение было некоторыми воспринято с определенной обидой. Если это действительно так, то прошу меня извинить: я хотел не принизить значение наших районов, а просто показать, что успокаиваться на достигнутом – для нас по-прежнему смерти подобно. Это, по-моему, подтверждают и сами районы – как своими достижениями, так и ограниченностью своих возможностей в решении даже собственных проблем.

Полагаю, что сегодня вполне можно поставить вопрос о кардинальном развитии двух наших районов: разработать программу увеличения их населения в несколько раз, программу развития их экономической и социально-культурной базы уже не для 15-20, а для 150-200 тысяч российских немцев. При намечаемых перспективах развития страны это представляется вполне реальным.

Что составляет, на Ваш взгляд, современную культуру российских немцев? Как Вы оцениваете сегодняшний духовный, интеллектуальный потенциал нашего народа? Ведь известно, что из-за десятилетий ограничений в получении образования российские немцы многое потеряли, и нам до сих пор не удалось возродить нужную для народа национальную интеллигенцию. Что делать?

Под национальной культурой сегодня у нас часто понимают те остатки обычаев, традиций, самодетельного творчества, которые в какой-то степени еще сохранились там, где российские немцы проживают компактно. А разные подрядные халтуртрегеры преподносят нам в качестве национальной культуры нередко такой винегрет, который к нашей культуре вообще почти не имеет отношения.

Если же под национальной культурой рассматривать то, что сейчас всё чаще имеют в виду – национальный образ жизни, то, с одной стороны, бывший у нас до войны массив этого национального образа жизни в значительной части уничтожен; с другой – осталось еще то, что трудно вытравить даже репрессиями и дискриминацией, что сохраняется чуть ли не на генетическом уровне. Например, то, что даже случайным посетителям немецких сел позволяет сразу безошибочно определить: это именно немецкие села, и никакие другие.

Наша национальная культура, как и вообще менталитет российских немцев, состоит сегодня, в отличие от дореволюционных и довоенных времен, из двух составляющих – немецкой и русской. Причем немецкая составляющая является меньше всего частью сегодняшней германской культуры; гораздо больше она сплав довольно различавшихся культур разных групп российских немцев – поволжских, украинских, кавказских и т.д., и различных конфессиональных групп: лютеран, меннонитов, католиков. Обе эти составляющие сегодня для нас настолько «свои», что если мы лишимся одной из них, то уже не будем российскими немцами, а будем или еще не окончательно русскими, или уже не полными немцами. Особенностью такой сегодняшней нашей ментальности является то,

что она сложилась не в результате *обогащения* немецкой ментальности русской в процессе совместного равноправного проживания, в ходе «конвергенции» и естественной ассимиляции, а в результате *замещения* значительной части немецкой ментальности русской ментальностью в ходе насильственной ассимиляции.

И наша главная задача сегодня в области культуры – возродить и развить немецкую составляющую нашей ментальности. Главная потому, что российская составляющая в условиях, в которых мы сегодня живем и будем жить дальше, исчезнуть не может, она будет только развиваться, немецкая же будет постоянно под угрозой вытеснения (замещения) даже при самых благоприятных для нее условиях, тем более при продолжении ассимиляционной политики. Но возродить немецкую составляющую нам нужно не в виде того винегрета, о котором я говорил выше, а в виде действительно национальных элементов культуры российских немцев и культуры немцев Германии, еще сохранившейся в разных ее землях. И здесь особую роль могут и должны, на мой взгляд, сыграть наши национальные районы, вообще сибирские немецкие села. Потому что именно в них национальная жизнь не была так давно прервана, так сильно разрушена, как у депортированных групп российских немцев. В этих селах еще сохранились остатки нашей подлинной национальной культуры. Думаю, мы можем использовать и тот большой объем нашей культуры, который вывезен российскими немцами в Германию за последние 20 лет, где он хоть и будет тоже быстро утрачиваться, но не так катастрофически, как сегодня в России.

Есть ли у нас для этого достаточный духовный и интеллектуальный потенциал? Мы не хуже, не глупее других народов, так что *общий* духовный и интеллектуальный потенциал у нас есть. У нас во многом утрачен *национальный характер* этого потенциала. И нет условий для должного применения и реализации этого потенциала. Полагаю, на примере тех же национальных районов, на примере Новосибирской области можно видеть, как создание хотя бы каких-то условий позволяет поддерживать национальную культуру, что раньше было просто невозможно. Да, кадров для этого не хватает; да, почти вся наша творческая интеллигенция – и не только творческая! – была уничтожена в ходе репрессий и дискриминации; да, нам не позволили ее возродить ни в советское, ни в постсоветское время. И мы уже 67 лет не имеем условий, необходимых любому народу для сохранения своей национальной культуры – не имеем государственности, компактного проживания, экономической базы. Что делать? - Добиваться того единственного, что только и может позволить сохранить народ и возродить его национальную культуру – восстановления государственности!

Только не надо пороть нам уже набившую оскомину чушь о том, что сегодня это невозможно, сегодня это нереально, сегодня это противоречит курсу «партии и правительства» и всяким новым «тенденциям». Именно сегодня это и возможно, и реально, и соответствует. Потому что это в интересах России, а значит, соответствует любому курсу, проводимому в интересах России. Если же курс этот проводится не в интересах России, то тем более мы должны добиваться восстановления нашей государственности – на благо России. *Потому что как народ мы можем иметь будущее только в России, ибо только в России у нас может быть государственность.*

Вот у меня список, может быть, неполный, сделанного Вами за Вашу жизнь.

Вы - участник практически всех делегаций; Вы были одним из создателей и сопредседателей «Возрождения», председателем Международного Союза российских немцев, вице-президентом Федеральной НКА. Вы входили в Государственную комиссию СССР по проблемам советских немцев, на Вас лежала основная тяжесть

подготовки Первого съезда немцев СССР. Вы также были заместителем начальника управления, которое позже стало департаментом по проблемам российских немцев в Министерстве национальной политики, много лет входили в состав Межправительственной Российско-Германской комиссии по восстановлению государственности российских немцев.

По Вашей инициативе был создан первый после войны литературно-художественный и общественно-политический журнал советских немцев «Хайматлихе вайтен», который Вы десять лет возглавляли. Вы участвовали в создании Немецкого драматического театра. При Вашей поддержке и помощи была создана Общественная Академия наук российских немцев, был «пробит» и профинансирован проект издания Энциклопедии российских немцев, которое в прошлом году было завершено. При Вашей же поддержке был создан и много лет успешно действовал первый в истории профессиональный камерный ансамбль российских немцев.

Уже один этот перечень может вызвать некоторое удивление. И при этом Вами еще столько написано, Вы активно влияли, можно сказать, на все основные события в движении российских немцев. То есть Ваша жизнь практически вся отдана делу реабилитации нашего народа. Но реабилитации этой до сих пор нет. Вы не потеряли надежду, Вы не устали? И - если бы Вам снова надо было определить Вашу судьбу, - как бы Вы ее определили?

И еще один, может быть не совсем тактичный, вопрос, но он интересует многих - можете на него не отвечать, если не хотите. После того, как не без Вашей помощи был, наконец, вместо В.Бауэра избран новый президент ФНКА, Вы, бывший вице-президент ФНКА по идеологии, печати, культуре, связям с официальными органами России и внешнеполитическим связям, уже много лет не входите ни в руководство ФНКА, ни в руководство других организаций. С чем это связано?

Что касается сделанного... Наверняка если составить список того, что сделано за жизнь любым человеком, то он сможет вызвать удивление. Просто у меня сложилось так, что почти всегда я занимался работой, тесно связанной с российскими немцами. Причем как правило приходилось быть среди тех, кто находился на переднем крае. Может быть, отсюда некоторая необычность такого перечня.

Однако для меня этот перечень не может считаться удовлетворительным и тем более завершенным, потому что в нем всё еще нет главного – государственности российских немцев, которой, вместе с участниками движения теперь уже трех поколений, я добивался.

Потерял ли я надежду? Не могу ее потерять, потому что я ведь надеюсь не на чудо, которое невозможно. Я убежден, что наша реабилитация, выполнение Закона 1991 года и российско-германского Протокола 1992 года – не только обязанность нашего государства, но и нужно России как многонациональной стране, даже выгодно России, хотя бы из экономических соображений. И многие из нас убеждены в том, что законность и справедливость в нашей стране не могут не восторжествовать, наконец, и по отношению к российским немцам.

Устал ли я? Люди устают, бывает, даже от безделья, тем более могут устать от дела, требующего много сил и времени. Я не исключение. Но усталость бывает физическая, которую можно преодолеть, просто сделав перерыв и отдохнув. И бывает усталость душевная, которая связана больше с разочарованием, с неверием в достижимость поставленной цели. Так что первый вид усталости преодолим, а второго у меня, как я уже

сказал, не может быть: я уверен, что наша цель достижима, и понимание необходимости добиваться для нашего народа права на будущее должно всегда придавать нам силы.

Конечно, нелегко годами видеть непробиваемость «буферной зоны», установленной между нашим национальным движением и руководством страны; некомпетентность ряда чиновников из тех, кому поручена национальная политика; мелочность, продажность тех, кто присосался к нашей проблеме ради личной наживы; приспособленчество даже некоторых членов руководства движения. Нелегко и противостоять этому, тратя силы и время. Тут действительно может, наверное, иногда возникнуть желание уйти от всего подальше. Но вот соберемся на очередное заседание Совета, на конференцию или съезд, и видишь, как один за другим выступают наши люди – умные, опытные, компетентные, болеющие за свой народ, за его будущее. И вновь возникает ощущение, что даже мысль о том, чтобы уйти в сторону, ни для кого из нас недопустима, что нагрузка на каждого и без того велика, поэтому все мы, как бурлаки на Волге, должны каждый тянуть свою лямку и выкладываться полностью.

Жизненный путь мой, считаю, не мог сложиться иначе: нас звала, вела и не отпускала цель, отступить от которой невозможно; цель, которая для многих из нас была дороже жизни. А кому есть за что умереть, тому есть и для чего жить. И жить для чего-то другого у него просто не получится. Если бы наша республика не была разгромлена, если бы мы не подверглись депортации и репрессиям, - наверное, у всех у нас судьба сложилась бы иначе. Но случилось так, как случилось, и лепить себе благополучную судьбу, когда будущее народа постоянно под угрозой и когда ежечасно, ежеминутно требуется этой угрозе противостоять – думаю, многие российские немцы считают это для себя неприемлемым и непорядочным. Я один из них.

А почему я не вхожу в руководство ФНКА... Тут комплекс причин, но вряд ли о них стоит говорить сейчас, в интервью. Это серьезная и отдельная тема. Тем более, что практически все эти причины, как и возможное развитие событий, я предсказал в своих статьях еще до смены бывшего президента ФНКА. Так что давайте лучше ограничимся пока просто несколькими общими оценками ситуации.

Как, наверное, у многих, у меня достаточно ясные отношения с людьми: с хорошими – хорошие, с плохими – по возможности никаких. Но основой для вообще каких-либо отношений является у меня, как правило, наша проблематика – на другое почти нет времени. Как-то один германский чиновник даже пошутил: «Знаете, г-н Вормсбехер, по отношению людей к Вам легко определять их отношение к восстановлению государственности - и у руководителей ваших организаций, и у простых людей в Сибири или Казахстане, и даже у чиновников»... Не знаю, какова в этой шутке доля истины, но, во всяком случае, наши отношения с Г.Гроутом, В.Бауэром, Г.Мартенсом – всё люди не без способностей – сущностно изменились очень сильно именно из-за неприемлемого для меня их отношения к проблеме российских немцев.

Фактически так же складываются мои отношения и с различными организациями российских немцев, точнее, с их руководством – ведь рядовые члены организаций мало чем отличаются друг от друга, все они – часть нашего народа. И здесь тоже всё просто: если руководство организации действительно имеет целью достижение подлинной реабилитации, то с ним у меня легко устанавливаются деловые отношения. Даже если я вижу, что кто-то хотя бы пытается действовать в нужном русле, я стараюсь помочь. С теми же, у которых цель иная, как бы они ни тужились вуалировать ее в своей мимикрии, отношения невозможны, хотя я и могу многое понять и простить: даже равнодушие к нашей проблеме, даже неверие в возможность ее решения, и даже самое неприятное – «тактическое» публичное дистанцирование от нее перед «начальством» ради получения

бюджетной поддержки текущих локальных задач. Но нельзя простить продажные выступления и действия против нашего общего дела. Для меня эти явления особенно болезненны, потому что всегда думал: невозможно быть равнодушным к судьбе своего народа.

Еще одно наблюдение: когда руководство движения забывает о главной цели движения, это, рано или поздно, неизбежно вызывает коллективную реакцию «снизу». И - необходимость *открытого* анализа ситуации для этой коллективной реакции. Потому что многие участники движения, будучи удалены от эпицентра событий, не всегда могут понять, в чем дело, а если уж им приходится действовать, то им хочется действовать осознанно. И обычно такой анализ приводит не только к сущностным, но и персональным переменам в руководстве движения. То, что сегодня мы продвинулись к очередной такой критической точке ближе, чем допустимо для сохранения наших целей и самого движения, ясно уже многим, об этом свидетельствует и Ваш вопрос. Возможна ли еще корректировка курса «в рабочем порядке», или очередной открытый разговор уже неизбежен, со всеми его последствиями, – это может определиться в самое ближайшее время.

Так что сегодня, наверное, не так уж важно, почему я, будучи уже 45 лет в нашем движении за реабилитацию, куда-то *не вхожу* - это можно считать лишь одним из симптомов. Хотя не входить в ту или иную организацию и ее руководство может иногда быть порядочнее и результативнее, чем входить. Сегодня для нас, как и всегда, самое важное, чтобы руководство движения не отклонялось от главной цели. А должности... Знаете, недавно мой бывший водитель прочитал мне по телефону свое стихотворение, в нем была такая строчка: «Не дай нам, Боже, вляпаться во власть...». Мое отношение к должностям во многом перекликается с этой строчкой. Должность, власть нужны как инструменты для решения больших общих задач на пользу многим. Если же они используются лишь чтобы удовлетворять личные интересы и амбиции, то не нужны тогда ни сами эти должности, ни те, кто их занимает...

И последний вопрос: Ваши планы на будущее?

Раньше, когда я еще занимал какие-то должности - как иронизировали иногда мои коллеги: «по совместительству с основной должностью – быть Г.Вормсбехером», я мог написать что-то лишь в выходные и праздники. Поэтому у меня практически не было выходных и праздников. Сегодня, когда у меня «отвлекающих» должностей нет, я не могу избавиться от ощущения, что весь год состоит из одних воскресений, потому что каждый день могу никуда не ехать, а с самого утра засесть за письменный стол, что обычно и делаю. То есть, сегодня у меня нет «рабочих дней», сплошь «рабочие воскресенья».

Тем не менее, чувствую, что осуществить всё задуманное одному не получится. Потому что задумано многое. Еще в советские времена я планировал издать библиотечку литературы российских немцев и библиотечку по их истории, хотя бы в 5 томах каждая, на двух языках. Ведь российские немцы депортацией и репрессиями были не только оторваны от родных очагов, от своей малой родины, но и лишены своей литературы, своей истории. У них до сих пор нет возможности познакомиться ни с дореволюционной, ни с довоенной, ни даже с послевоенной своей литературой – она или вообще после войны не издавалась, или издавалась очень малыми тиражами. Сегодня ее нужно еще и перевести на русский язык, чтобы она стала доступной среднему и младшему поколениям. Схожая ситуация и с произведениями по истории – они известны только специалистам. Если хотя бы каждая пятая семья российских немцев могла получить такие библиотечки – народ, наконец, опять воссоединился бы и со своей историей, и с литературой.

Нам надо смотреть в будущее, а значит, надо вновь создавать Немецкий драматический театр. Дело это долгое, поэтому времени терять нельзя. Начать надо, на мой взгляд, с совместного обращения наших общественных организаций и национальных районов в Правительство по этому вопросу.

Очень нужны этнографические музеи (в ряде мест инициативы уже проявлены), музеи изобразительного искусства российских немцев, литературный архив; конечно, они в первую очередь должны бы быть в республике, но пока ее нет, национальные районы, Новосибирск, Омск представляются наиболее подходящими для их открытия.

Текущие же планы... Мою задачу я всегда видел в том, чтобы находить пути решения нашего вопроса в постоянно меняющейся обстановке, помогать в выработке идеологии движения, в формулировании его задач, целей и позиции, а также в том, чтобы находить общие интересы и аргументы для сторон, от которых зависит решение нашего вопроса. К сожалению, жизнь ставила передо мной и моими коллегами в движении и другую, гораздо более неприятную задачу: защищать наше движение от тех, кто выступает против решения нашей проблемы. Отсюда совсем не комфортные мои отношения и с некоторыми представителями власти, и с некоторыми «лидерами» и «активистами», в засос любящими нашу проблему пока ее финансируют.

Так что и сегодня приходится заниматься в первую очередь тем, что «диктует жизнь». Конкретно в последнее время работаю над серией статей, в которых пытаюсь проанализировать механизмы и движущие силы противодействия процессу реабилитации нашего народа. К сожалению, печать российских немцев сегодня так «независима», что в ней сегодня легче опубликовать выступление против реабилитации, чем в защиту реабилитации.

Надо бы написать еще несколько книг, в т.ч. по истории нашего национального движения. Считаю себя просто обязанным это сделать, потому что многое из происходившего в этом движении в нужной полноте мало кому известно. И еще потому, что уже написанное другими нередко очень искажает то, что было на самом деле – не всегда из-за тенденциозности автора, а и просто из-за его недостаточной информированности.

Но все эти «личные» планы притормаживаются банальным вопросом: ну даже если напишешь, кто издаст-то? И для этой ситуации, наверное, как раз и надо стать верящим в чудо: а вдруг большая сумка с деньгами где-то уже подготовлена на выброс!..

В заключение - Ваши пожелания сибирякам?

Все сибирские немцы – мои земляки, я ведь вырос в Сибири. А многие из них – даже двойные мои земляки, потому что прибыли туда из Поволжья - до революции или в 1941-ом. И сегодня в Сибири еще сохранились немецкие села, причем не только в национальных районах. Так что сибирские немцы сегодня лучше остальных знают, как много значит для нас иметь «наш двор» - и родительский, и в виде немецкого села, и в виде национального района. Отсюда и надежда на них больше, чем на кого-либо. Поэтому и обращаюсь к ним: сделайте так, чтобы ваши районы превратились в Большой Район для всех российских немцев. Буду рад тогда вернуться в Сибирь. Причем если в первый раз для доставки в Сибирь мне, трехлетнему, как оказалось, требовался надежный конвой, то на этот раз приеду добровольно. Ведь край мне давно не чужой.

Спасибо, Гуго Густавович, за ответы. Позвольте пожелать Вам крепкого здоровья и осуществления Ваших планов. И - чем мы можем отблагодарить Вас за Ваш труд?

Это Вы что, о гонораре? Неужели опять Советская власть куда-то пришла?.. Впрочем, привезите мне как-нибудь пару килограммов сибирской картошки. Давно не видел настоящей. Я ее сварю, поставлю на стол родную швейную машинку, и мы окунемся с ней в далекое прошлое. У нас ведь с ней есть о чем вспомнить...

(Вопросы подготовил Виктор Эйхвальд)